

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ ¹⁾.

(Окончаніе).

Попробуйте, ѣдучи по мѣстности, на которой проведены арыки, и замѣтивъ мѣсто начала одного изъ нихъ, задать себѣ задачу: какъ бы вы повели этотъ арыкъ по той мѣстности, которая у васъ передъ глазами? Стоя у начала арыка, вы, конечно, не будете въ состояніи видѣть его на всемъ протяженіи; вы видите передъ собою только холмы, горы, поля и знаете, что гдѣ-то между ними долженъ идти этотъ арыкъ, у начала котораго вы стоите. Попробуйте рѣшить эту задачу при этихъ данныхъ; это довольно интересно. Прежде всего, вы призовете на помощь усвоенныя вами свѣдѣнія изъ топографіи; передъ вашимъ умственнымъ взоромъ сейчасъ же, конечно, появится та самая «горизонталь», которую васъ учили «улавливать» во времена вашей юности; за нее вы теперь и ухватитесь, какъ за

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 8.

якорь спасенія. Что же, это очень просто, подумаете вы: вотъ эта самая горизонталь, на которой я стою, пойдетъ тамъ-то и тамъ-то, вотъ она опояшетъ тотъ холмъ приблизительно на такомъ-то уровнѣ, а потомъ пройдетъ по полю приблизительно тамъ-то, потомъ снова обовлеть часть поверхности того дальняго холма на уровнѣ вонъ того камня; слѣдовательно, и арыкъ долженъ пройти немного ниже этого камня. Это такъ просто и понятно, и если я поѣду къ этому камню, то около него непременно встрѣчу арыкъ. И что же? Вы ѣдете къ этому камню и никакого арыка около него не встрѣчаете. Осматриваетесь съ изумленіемъ по сторонамъ и видите, что онъ прошелъ не только не ниже намѣченнаго вами камня, а значительно выше его на склонѣ холма и течетъ онъ не внизъ, а положительно вверхъ. Быть этого не можетъ, думаете вы: неужели тутъ нарушены законы гидростатики? Подѣзжаете къ арыку и вамъ съ очевидной ясностью начинаетъ казаться, что вода въ арыкѣ бѣжитъ вверхъ. До того сильна иллюзія, что вы, не довѣряя глазамъ, бросите въ воду щепочку и съ удивленіемъ замѣчаете, что она быстро удаляется отъ васъ вверхъ, увлекаемая теченіемъ. Конечно, никакого нарушенія законовъ гидростатики въ данномъ случаѣ нѣтъ и быть не можетъ; происходитъ это исключительно только въ силу иллюзіи, причины которой вы, конечно, поймете, если очень внимательно всмотритесь въ рельефъ мѣстности; но все же иллюзія настолько сильна, что очень многіе принимаютъ ее за дѣйствительность, и нерѣдко приходилось спорить съ такими людьми (получившими даже образованіе), которые увѣряли и увѣрены въ томъ, что въ данномъ случаѣ вода дѣйствительно идетъ вверхъ, благодаря тому напору, который она якобы испытываетъ въ самомъ началѣ арыка, забывая при этомъ, что подобное явленіе было бы возможно только тогда, если бы вода арыка не струилась по открытой канавѣ, а была заключена въ трубу.

Повторяю, иллюзія настолько сильна, что если бы пришлось работать здѣсь съ нивелиромъ, который, конечно, обнаружилъ бы тутъ уклонъ, то навѣрно вы по первому измѣренію не повѣрили бы показанію вашего инструмента и произвели бы вторичную нивелировку и только, получивъ вторично тотъ же результатъ, начали бы всматриваться въ мѣстность, дабы уяснить причину иллюзіи. Но вѣдь у тѣхъ людей, которые проводили здѣсь арыкъ не было нивелировъ, не было ни мензулъ, ни планшетовъ, ни кипрегелей, ни аллидадъ; ихъ планшетъ—сама мѣстность, а нивелиръ—глазъ; вотъ и всѣ инструменты, съ которыми они приступаютъ къ

работѣ и ведутъ ее безъ ошибокъ и погрѣшностей. Невольно приходится удивляться человѣческой способности примѣняться къ обстоятельствамъ и умѣнію эксплуатировать въ свою пользу природу только съ данными этой природой въ распоряженіе человѣка средствами. Иногда въ такихъ случаяхъ человѣкъ успѣлъ уже подняться на очень высокую ступень совершенства.

Мѣстами киргизы занимаются и сѣнокосеніемъ, но смотрѣть на ихъ косьбу и покосы нельзя безъ сожалѣнія. Это совсѣмъ не та косьба, которую вы, конечно, неоднократно наблюдали, живя въ какой-нибудь русской деревнѣ, гдѣ лѣтомъ въ страдную пору ряды косарей дружно машутъ своими косами, подъ мѣрными и легкими взмахами которыхъ, сопровождаемыми какими-то особенно «сочными» звуками, ложится длинными и прямыми рядами влажная трава. Трудно безъ усталости махать косой, а между тѣмъ подойдите ближе къ этимъ косарямъ и вамъ кажется, что работа эта для нихъ совершенно не трудна: такъ легко рѣжетъ острая коса сочную траву, такъ мѣрно и плавно поворачивается спина косаря, такъ незамѣтно нажимаютъ на косу стальные мускулы его плечь и, наконецъ, такъ легко и свободно переступаютъ постепенно впередъ его въ мѣру разставленные ноги. Нельзя смотрѣть на эту картину безъ восторга: въ ней красота и сила.

Но вотъ передъ вами киргизъ-косарь. Коса у него маленькая; черенокъ къ ней коротенькій; благодаря этому поза косаря согбенная; онъ не дѣлаетъ плавныхъ и широкихъ движеній, подобно нашему косарю, а скорѣе какъ-то порывисто и безтолково бьетъ по травѣ своей косой, направляя удары не въ горизонтальномъ направленіи, а скорѣе, сверху внизъ. Кажется какъ будто бы онъ гоняется за полевою мышью, или за какимъ-нибудь другимъ маленькимъ животнымъ, стараясь его убить, а оно прячется отъ него въ травѣ. Начнетъ онъ косить въ одномъ направленіи; сдѣлаетъ десять неуклюжихъ взмаховъ и вдругъ почему-то мѣняетъ это направленіе; еще нѣсколько взмаховъ и снова пере мѣна и т. д. Въ концѣ концовъ, за нимъ остается много несокошенной травы, и поверхность, которую онъ косилъ, дѣлается очень похожей на бараний бокъ послѣ того, какъ его выстригутъ большими овечьими ножницами. Словомъ, по всему видно, что киргизъ пока еще только «горе-косарь» и надо ему еще долго учиться этому искусству. Сѣна киргизы заготавливаютъ немного, а могли бы накашивать его въ очень большомъ количествѣ, потому что въ лугахъ тутъ недостатка нѣтъ. Правда, бывають здѣсь засухи, когда луга почти не

поливаются и тогда урожай травъ на нихъ нѣтъ, но зато бываютъ и такіе годы (и это весьма нерѣдко), что трава на нихъ вырастаетъ такая, что ее, какъ говорится, «и косою не возьмешь».

Главное занятіе киргизъ все же скотоводство; земледѣліемъ же они занимаются, какъ чѣмъ-то второстепеннымъ, и оно пока еще не можетъ дать имъ ни главныхъ источниковъ доходовъ, ни, вообще, средствъ къ существованію. Скотоводство предоставляетъ киргизу и источники существованія и доходы.

Изъ домашнихъ животныхъ наибольшимъ почетомъ пользуется лошадь, которая, хотя и не отличается ростомъ, но за то очень вынослива. Будь эта лошадь немного покрупнѣе, и тогда бы громадныя табуны, которые круглый годъ пасутся въ степи, добывая зимою траву изъ подъ снѣга, могли бы служить отличнымъ источникомъ для пополненія конскаго состава кавалеріи. Воспитанная среди природы и привыкшая переносить и лѣтній зной и зимнюю стужу, лошадь эта не потребовала бы такого тщательнаго за нею ухода, каковой требуетъ какая-нибудь заводская лошадь регулярной конницы. Киргизская лошадь не знаетъ ни конюшни, ни ясель: конюшня ея—степь, а ясли—земля. Въ настоящее время киргизскими лошадьюми пополняется конскій составъ полковъ Сибирскаго казачьяго войска и ничего себѣ: лошадки несутъ исправно свою трудную службу.

Рогатый скотъ киргизы разводятъ исключительно только, какъ рабочую силу. Они пашутъ на своихъ быкахъ и перевозятъ на нихъ тяжести въ своихъ неуклюжихъ телѣгахъ, а также и выюками; случается даже, что и верхомъ ѣздятъ на быкахъ; въ особенности часто прибѣгаютъ къ такому способу передвиженія пастухи, которые гарцуютъ на этихъ рогатыхъ коняхъ и рысью и галопомъ вокругъ вѣреннаго ихъ попеченію стада. Такъ какъ быку черезъ носовую перегородку продѣта веревка, да еще очень нерѣдко и волосяная, то животное это, будучи и отъ природы-то весьма кроткимъ и послушнымъ, дѣлается еще болѣе чуткимъ къ волѣ сидящаго на его спинѣ повелителя и выдѣлываетъ такіе вольты, какіе, быть можетъ и не всякая лошадь сдѣлаетъ, хотя и будетъ къ этому понуждаема шенкелями, мундштуками, шпорами и прочими, тому подобными, средствами. Оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ варварскій способъ примѣняютъ киргизы при перевозкѣ тяжестей на своихъ быкахъ. Этотъ способъ можетъ быть названъ полувыючнымъ, и его слѣдовало бы запретить, въ виду того, что онъ крайне тяжелъ и мучителенъ для бѣдныхъ безсловесныхъ животныхъ. На спину быка кла-

дета вьючное сѣдло и къ его бокамъ прицѣпляются двѣ длинныя и толстыя жерди, концы которыхъ волочатся по землѣ. На сѣдло, а также и на жерди кладется грузъ, благодаря чему получается сильное треніе между полотномъ пути и концами жердей. Животное тащить и тяжелый вьюкъ и преодолеваетъ треніе, въ силу чего оно скоро окончательно выбивается изъ силъ, но хлесткій бичъ безсердечнаго его повелителя не знаетъ пощады и жжетъ безсловеснаго труженика. Не разъ приходилось встрѣчать навьюченныхъ подобнымъ образомъ животныхъ и всегда они шли съ высунутыми языками, съ налитыми кровью глазами и были до того мокры, что можно было подумать, что они только что выкупались. Положительно, въ видахъ облегченія участи четвероногихъ друзей и помощниковъ человѣка, слѣдовало бы воспретить этотъ варварскій способъ перевозки тяжестей. Тоже слѣдуетъ сказать и о верблюдахъ. Эти животныя являются положительно мучениками въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Посмотрите на идущій мимо васъ верблюжій караванъ: мѣрно переступая съ ноги на ногу, идутъ подъ бременемъ огромныхъ вьюковъ безобразныя, но кроткія и покорныя животныя. Если остановитесь въ сторонѣ отъ дороги и будете пропускать мимо себя караванъ, то почти каждый верблюдъ повертитъ къ вамъ голову и посмотритъ на васъ такимъ взглядомъ, отъ котораго у васъ невольно что-то шевельнется въ сердцѣ; онъ какъ бы безмолвно проситъ васъ этимъ взглядомъ о помощи и объ избавленіи его отъ той муки, которую онъ испытываетъ. Взгляните на его морду и вы увидите, что изъ ноздрей его, сквозь которыя пропущенъ волосяной канатъ, течетъ кровь, на которую жадно садятся несносныя мухи и еще болѣе раздражаютъ растертыя волосомъ каната раны. Вотъ одинъ изъ верблюдовъ усталъ; сѣдло растерло въ кровь измученную спину; онъ хотя на минуту хочетъ остановиться въ надеждѣ, что тотъ идіотъ, котораго также придется именовать человѣкомъ и который является его хозяиномъ, догадается поправить неловко завьюченный вьюкъ, но идіотъ съ лицомъ тупого и злого животного самъ сидитъ у него на спинѣ, увеличивая вѣсъ и безъ того тяжелаго вьюка. Верблюдъ останавливается, но впереди идущій товарищъ, съ которымъ онъ связанъ при помощи волосяного аркана, не ждетъ; онъ продолжаетъ мѣрно переступать съ ноги на ногу, арканъ натягивается и рветъ носовую перегородку у страдальца. Раздается душу надрывающій вопль, отъ котораго пробуждается и хозяинъ. Невольно такъ и хочется взять хорошую плетъ, да хорошенько огрѣть ею толстокожаго звѣря, на-

зываемаго человѣкомъ; тутъ отходятъ на задній планъ разныя гуманныя возрѣнія относительно безнравственности «рукоприкладствъ и заѣзжаній», потому что та истина, что есть еще цѣлый сонмъ такихъ людей на бѣломъ свѣтѣ, которыхъ невозможно разумить словомъ, встаетъ съ особенной ясностью въ представленіи. Зачѣмъ, спрашивается, понадобились въ данномъ случаѣ эти волосяные арканы и эти пронзенныя насквозь ноздри? А это, изволите-ли видѣть, придумано тѣмъ самымъ толстокожимъ звѣремъ, который спитъ, мѣрно покачиваясь, на спинѣ верблюда, зная, что разъ веревка продѣта черезъ ноздри, верблюдъ до послѣднихъ силъ будетъ идти, такъ какъ малѣйшая остановка, причпнить ему ужасныя страданія. И все подобное происходитъ въ XX столѣтіи ²⁾).

Изъ прочихъ животныхъ, разводимыхъ киргизомъ, одно изъ почетныхъ мѣстъ должно быть предоставлено барану. Это въ своемъ родѣ универсальное животное, такъ какъ для киргизъ онъ и пища, и одежда, и источникъ дохода. Баранью шерсть (джебагу) киргизъ продаетъ, а то дѣлаетъ изъ нее кошму и ею покрываетъ свою юрту; ткеть изъ нея крѣпкія тесемки и ею обвязываетъ ту же юрту; изъ шкуры онъ шьетъ себѣ теплую шубу и неуклюжій, но чрезвычайно практичный малахай на голову, и теплыя мѣховыя штаны, которыя, будучи надѣты, не снимаются до тѣхъ поръ, пока не расплзутся по швамъ и не снимутся отъ этого сами... И много, много всякой всячины киргизъ умѣетъ добыть изъ барана, не говоря уже про мясо вообще и про жирный курдюкъ въ особенности, который служитъ источникомъ мечты и даже быть можетъ вдохновляетъ на созданіе музыкальной импровизаціи въ минуты уединенныхъ размышленій какого-нибудь доморощенного поэта и импровизатора.

Итакъ, миновавъ Терсь-Айрыкскія ворота, вы встрѣтите страну, такъ или иначе, но все же носящую на себѣ признаки культуры, благодаря засѣяннмъ полямъ и арыкамъ. Но такая «счастливая Аркадія» будетъ ласкать вашъ взоръ на протяженіи какихъ-нибудь 10 верстъ, а потомъ вы снова будете путешествовать по безлюдной и бесплодной пустынѣ, на которой лишь кое-гдѣ вамъ встрѣтятся нѣсколько закопченныхъ и до нельзя бѣдныхъ юртъ, съ пасущимися вокругъ нихъ «тощими фараоновыми коровами». Въ одномъ только мѣстѣ вы наткнетесь на жилище осѣдлаго человѣка и увидите передъ собою усадьбу. Здѣсь живетъ мулла. Зачѣмъ онъ тутъ живетъ—не знаю. Кругомъ не видно ни одного зданія, напоминающаго собою мечеть, и вѣроятно этотъ мулла исполняетъ всѣ ду-

²⁾ Въ нашей Средней Азій способъ этотъ уже заирещенъ.

ховныя требы у себя въ домѣ; домъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, одна изъ которыхъ отдѣлена подъ школу; въ этой послѣдней нѣтъ никакой обстановки и ученики сидятъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, словомъ—вполнѣ по восточному. Самъ мулла ихъ и учитъ. Это человѣкъ, не лишенный, повидимому, добрыхъ стремленій, соединенныхъ съ практическими хозяйственными способностями; домъ у него полная чаша—изобиліе скота, скирды сѣна, садикъ, огородъ, нѣсколько рабовъ; во всемъ порядокъ и зоркій хозяйственный глазъ. Невольно припоминается: «былъ человѣкъ въ землѣ Уцъ. И было скота у него: семь тысячъ мелкаго скота и три тысячи верблюдовъ, и пятьсотъ паръ воловъ, и пятьсотъ ослицъ и прислуги весьма много; и былъ человѣкъ тотъ знатнѣе всѣхъ чиновъ Востока». Хотя этотъ мулла и не знатнѣе всѣхъ сыновъ Востока, но все же это кажется единственный въ здѣшнемъ округѣ человѣкъ, который задался цѣлью насаждать культуру и вносить просвѣщеніе среди сыновъ необъятныхъ киргизскихъ степей.

Миновавъ этотъ культурный уголокъ, вы до самыхъ Бахтовъ, на протяженіи почти 140 верстъ, будете путешествовать по странѣ, лишенной всякой культуры. Тутъ вамъ снова встрѣтится нашъ казачій постъ, расположенный у подножія Тарбогатая неподалеку отъ Хабаросуйскаго перевала. Не въ далекомъ разстояніи отъ этого поста построенъ домъ Хабаросуйскаго волостного правленія. Помню, мнѣ пришлось тутъ быть какъ разъ въ то время, когда въ каждой киргизской волости производились выборы въ старшины. Эти выборы производятся одинъ разъ въ теченіе трехъ лѣтъ и въ жизни киргизъ они являются важнѣйшимъ и крупнѣйшимъ событіемъ. Здѣсь, какъ и передъ выборами америкапскаго или французскаго президентовъ, имѣютъ мѣсто тѣ же интриги, что и въ этихъ просвѣщенныхъ странахъ; также разыгрываются страсти, та же партійность и вражда между самими кандидатами на эту должность и ихъ приверженцами.

Пріѣхалъ и я посмотрѣть на картину выборовъ. Подъѣзжая къ волостному правленію, я увидѣлъ двѣ огромныя толпы, стоящія напротивъ другъ друга, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты одна отъ другой. Всѣ эти люди, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, прибыли сюда верхомъ на своихъ маленькихъ лошадакахъ, которыя и паслись огромнымъ табуномъ по степи. Люди эти раздѣлились на двѣ толпы, потому что каждая изъ нихъ представляла собою приверженцевъ отдѣльнаго кандидата въ волостные правители. И такъ какъ таковыми кандидатами было два необыкновенно жирныхъ

киргиза съ тупыми и необычайно важными физиономіями, то, слѣдовательно, и партій было только двѣ. Несмотря на враждебное другъ противъ друга настроеніе, обѣ толпы вели себя чинно и вполне благопристойно и только сдержанный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ наполнялъ воздухъ знакомыми всѣмъ звуками, которые всегда неразлучны со всякой толпой. Но вотъ этотъ говоръ началъ усиливаться и усиливаться и обратилъ на себя вниманіе присутствующей тутъ администраціи въ лицѣ уѣзднаго начальника, его помощника, переводчика и двухъ полицейскихъ стражниковъ. Такъ какъ обѣ толпы начали надвигаться другъ на друга, то явилось предположеніе о возможности столкновенія между враждующими сторонами и уѣздный начальникъ рѣшилъ прекратить возмущеніе въ самомъ его началѣ, приказавъ привести это въ исполненіе одному изъ стражниковъ. Стражникъ сѣлъ на коня и выѣхалъ на середину между надвигающимися другъ на друга толпами. Я смотрѣлъ на него и думалъ, что будетъ дѣлать сей отважный воинъ и неужели онъ одинъ въ состояніи уgomонить разгоравшіяся страсти нѣсколькихъ тысячъ человекъ; я даже одно время думалъ, что онъ обратится къ ссорящимся съ примирительной рѣчью, въ которой разъяснитъ имъ неблаговидность ихъ поведенія и докажетъ имъ всю безнравственность и бессмысленность взаимныхъ «рукоприкладствъ и заѣзжаній». Но стражникъ должно быть былъ не изъ рѣчистыхъ и рѣшилъ прибѣгнуть къ иному, болѣе наглядному, способу увѣщанія. Выѣхавъ на середину, онъ вынулъ изъ за голенища нагайку и, приподнявшись на стременахъ, сдѣлалъ ею угрожающій жестъ сначала по направленію къ одной толпѣ, а потомъ, повернувшись кругомъ, воспроизвелъ тоже самое и передъ другой толпой. Эффектъ получился поразительный и для меня совершенно неожиданный: голоса сразу смолкли, страсти утихли, и эти тысячи взрослыхъ и на видъ безобразныхъ людей сразу превратились въ милыхъ и послушныхъ дѣтей, которыя начали было шалить, но строгій начальникъ прикрикнулъ на нихъ и они сразу притихли. Стражникъ вернулся на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало, и никто изъ присутствующихъ (за исключеніемъ меня) не былъ удивленъ всѣмъ этимъ, считая происшедшее за явленіе совершенно естественное. Надо удивляться той выдержкѣ и тому благообразію, тому образцовому порядку, который царилъ среди этого сборища полудикихъ людей, если принять во вниманіе, что порядокъ этотъ поддерживался, конечно, не физической силой; развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, считать за таковую стражника, имѣющаго

въ своемъ распоряженіи спрятанную въ солдатскомъ голенищѣ нагайку; не эта несчастная нагайка, конечно, дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ вразумительно, а то сознаніе и уваженіе къ русской власти, которое каждый изъ этихъ безобразныхъ дикарей носить въ своей душѣ; достаточно одного только намека на проявленіе этой власти, чтобы обуздать всякія стремленія толпы къ безпорядкамъ. Полагаю, что наша русская толпа еще не доросла до такого сознанія.

Когда порядокъ былъ восстановленъ и настала тишина, начали отбирать голоса. Каждый подходилъ къ столику, на которомъ и записывалось его званіе, а также и за кого онъ подаетъ голосъ, послѣ чего опрошенный отходилъ и усаживался на корточки по правую или по лѣвую сторону столика—въ зависимости отъ того, за кого имъ былъ поданъ голосъ. Это голосованіе длилось очень долго и, несмотря на это, опрошенные терпѣливо сидѣли каждый на своемъ мѣстѣ, образовавъ собою безконечно длинные ряды. Теперь уже обѣ партіи сидѣли въ какихъ-нибудь 20—30 шагахъ другъ противъ друга и никто снова не позволилъ себѣ не только чѣмъ-нибудь нарушить порядокъ, но даже встать съ своего мѣста и размять отекишія ноги. На всѣхъ лицахъ можно было замѣтить какое-то строгое выраженіе и, вѣроятно, каждый изъ сидящихъ сознавалъ важность той роли, которую онъ въ данномъ случаѣ игралъ. Потомъ былъ произведенъ подсчетъ голосовъ и лоснящаяся отъ жира фізіономія избраннаго счастливица изобразила неподдѣльную радость и гордое презрѣніе къ своему сопернику. Приходилось слышать, что выборы эти стоятъ кандидатамъ немалыхъ денегъ, съ помощью которыхъ они набираютъ себѣ голоса. Ничего въ этомъ нѣтъ невѣроятнаго и все это вполне возможно; а если это такъ, то возможно и то, что выбранный счастливецъ непременно захочетъ вернуть себѣ эти деньги и даже сторицею, и вернетъ ихъ всѣми правдами и неправдами съ тѣхъ же людей, которые такъ старательно подавали за него голоса во время выборовъ. Не лучше ли было бы отказаться совсѣмъ отъ этихъ выборовъ и назначать на посты волостныхъ правителей (постъ весьма важный и отвѣтственный) представителей русской администраціи?

Всѣ эти выборы, съ разгорающимися страстями, интригами и прочими атрибутами, все-же въ концѣ-концовъ сѣютъ вражду между избирателями, которая не проявляется только благодаря уваженію къ закону, представителями котораго на выборахъ являются лица русской администраціи. Но что дѣлается въ степи послѣ этихъ

выборовъ, когда эти тысячи людей разъѣдутся по своимъ юргамъ, близъ которыхъ они очень рѣдко видятъ представителей администраціи, про это намъ неизвѣстно.

Когда вы будете у Хабаросуйскаго волостного дома, то версть 6—8 васъ будетъ отдѣлять отъ Тарбогатайскаго хребта, съ которымъ вы не соприкасались съ того времени, какъ, покинувъ Бургасутайскій переваль, спустилась въ Чиликтинскую долину. Здѣсь хребетъ значительно выше, нежели у Баргасутая; онъ очень скалистъ и по прежнему лишенъ всякой растительности. Вамъ теперь придется пересѣчь этотъ хребетъ, имѣющій въ поперечникѣ до 40 версть. На всемъ этомъ протяженіи, вы не встрѣтите никакихъ признаковъ жилья. Оголенные, покрытыя только мѣстами выжженой солнцемъ желтой травой, горы, дикія скалы, тихія долины съ похороненными на нихъ мертвецами, кое-гдѣ журчащіе ручьи—вотъ и все, что вамъ будетъ попадаться въ пути. Дорога на всемъ этомъ протяженіи нѣсколько разъ переваливаетъ черезъ небольшія возвышенности, постепенно поднимаясь все выше и выше, пока не подойдетъ, наконецъ, къ главному перевалу Сай-Асу, за которымъ рѣзко обозначенъ южный склонъ Тарбогатая и начинающаяся за нимъ Эмельская долина. Версть за 10 до Сай-Асу мѣстность рѣзко мѣняется и передъ вами начинаютъ зиять глубокія пропасти, съ очень крутыми щеками, мѣстами напоминающія американскіе каньоны; и такъ, идя по карнизамъ этихъ пропастей, вы станете, наконецъ, на перевалѣ Сай-Асу, съ площадки котораго снова откроется передъ вами безконечно широкій кругозоръ. Глубоко внизу вы увидите какія-то кучки, всюду разбросанныя по широкой долинѣ—это киргизскія юрты; увидите около нихъ какихъ-то букашекъ и козявокъ—это табуны лошадей и верблюдовъ. Увидите снова тѣ же горы, которыми вы любовались съ Баргасутая; только теперь онѣ синѣютъ далеко-далеко влѣво отъ васъ. Непосредственно у вашихъ ногъ будетъ лежать извилистое, чрезвычайно узкое ущелье, по дну котораго струится чуть замѣтный ручеекъ, и вотъ по руслу этого ручейка вамъ и надо спускаться. Ручеекъ этотъ во время дождей и весной превращается, вѣроятно, въ огромный потокъ, быстро несущійся по 30° уклону, который онъ сплошь загромоздилъ грудами большихъ камней. Верхомъ спускаться немислимо: нужно непремѣнно спѣшиться и осторожно вести лошадь въ поводу. На 3 версты протянулся этотъ спускъ и потомъ дорога, выйдя изъ этой мрачной щели, теряется въ просторной степи среди множества тропинокъ, протоптанныхъ здѣсь табунами. Ржаніе ло-

шадей, бляеніе овецъ, мычаніе коровъ, человѣческіе голоса, крики и смѣхъ играющихъ подъ горячими лучами солнца полуголыхъ киргизятъ, — все это напомнитъ вамъ, что вы очутились среди огромнаго стана, который раскинулъ какой-то пастушескій кочевой народъ. И вамъ навѣрно захочется пожить среди этихъ людей, присмотрѣться къ ихъ быту и испытать хоть отчасти прелесть той свободы, которой они пользуются. Если вы человѣкъ нездоровый и страдаете какой-нибудь болѣзнью—грудной ли, или нервной—все равно. Поѣзжайте въ такую степь, поживите среди людей ее оживляющихъ, пейте больше кумысу, кушайте баранину, а главное хотя на время забудьте про всѣ заботы и волненія, предаваясь которымъ въ теченіи своей обыкновенной жизни, вы разстроили себѣ здоровье; навѣрное можно сказать, что всякая болѣзнь оставитъ васъ.

Кто бывалъ въ степи среди безконечнаго ея простора, кто дышалъ ея чистымъ воздухомъ, кто видѣлъ безконечно далекое и глубокое небо, съ его ярко мерцающими звѣздами, кому въ тишинѣ распростершейся надъ степью лѣтней ночи чудился ея тихій и ласковый шепотъ, и кто восторгался идилической простотой жизни ея обитателей, — тотъ оцѣнитъ всѣ эти блага, пользуясь которыми человѣкъ можетъ быть здоровъ и счастливъ, даже при условіи существованія многихъ физическихъ лишеній.

Но такое оживленное мѣсто степи тянется только на 10 верстъ, а далѣе до самыхъ Бахтовъ на протяженіи 40 верстъ дорога пойдетъ снова по чрезвычайно унылой и однообразной мѣстности, съ увала на уваль, безъ воды, безъ растительности, безъ людей, и только ѣдкая и накаленная пыль будетъ проникать къ вамъ во всѣ поры. Нѣтъ болѣе утомительной дороги, какъ на этомъ 40 верстномъ участкѣ, и когда вы пріѣдете въ Бахты, то будете разбиты окончательно. Бахты маленькое мѣстечко, глухое, заброшенное, съ живущимъ въ немъ небольшимъ кружкомъ военныхъ и чиновниковъ, проводящихъ, вѣроятно, свой досугъ за картами и больше не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи рѣшительно никакихъ развлеченій.

Отъ Бахтовъ рукой подать и до Чугучака. Это уже китайская крѣпость, и побывать въ ней очень любопытно. Всего только 18 верстъ раздѣляютъ эти два пункта. Дорога очень ровная и очень пыльная; около Чугучака она обсажена деревьями.

Въ двухъ верстахъ отъ города вамъ встрѣтится у самой дороги и влѣво отъ нея небольшой китайскій импань (редутъ, валъ кото-

раго замѣненъ глинобитными, высокими и зубчатыми стѣнами). При взѣздѣ въ городъ, правѣ дороги, вы увидите другой импань, но только значительно большій по размѣрамъ. Этотъ импань окруженъ водянымъ рвомъ; длина каждаго его фаса равна 150 сажениамъ, слѣдовательно, периметръ этого четырехугольнаго сооруженія равенъ 600 сажениамъ. Высота стѣнъ—3 сажени; ихъ толщина въ верхнемъ разрѣзѣ также равна—3 сажениамъ; слѣдовательно, по верху стѣны свободно можно кататься на тройкѣ. Сооруженіе, какъ видите, очень и очень основательное. Въ верхней своей части стѣна снабжена зубцами, между которыми продѣланы бойницы и около каждой изъ нихъ сложена небольшая кучка булыжника. Эти булыжники были заготовлены здѣсь въ 1900 году во время бывшихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ. По словамъ компетентныхъ людей, китайцы заготовили эти камни на тотъ случай, если бы русскіе вздумали штурмовать городъ; тогда сначала въ нихъ намѣревались стрѣлять, и если бы это не остановило ихъ движенія впередъ, то думали взяться за камни и, швыряя ими въ наступающихъ солдатъ, положить предѣлъ ихъ стремленію впередъ. И это совсѣмъ не шутки. Если будете въ Чугучакѣ, пойдите посмотрите, а потомъ спросите кого слѣдуетъ и вы убѣдитесь въ томъ, что сказанное здѣсь—правда. По словамъ людей, давно живущихъ въ Чугучакѣ и занимающихъ въ немъ офиціальное положеніе, стѣны, какъ этого импаня, такъ равно и прочихъ, построены изъ фашины и глины, а слѣдовательно они, при весьма внушительной толщинѣ, должны представлять собою очень упругую среду и пробить ихъ артиллерійскими снарядами будетъ не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Входъ въ импань со стороны дороги защищенъ двумя воротами: одни изъ нихъ сдѣланы въ каменной полукруглой и зубчатой стѣнѣ, одинаковой высоты съ главною стѣною, а другія — въ главной стѣнѣ. Самыя ворота двухстворчатая и состоятъ изъ огромныхъ деревянныхъ пластинъ двухвершковой толщины, окованныхъ желѣзными листами. За городомъ есть еще и третій импань, еще большихъ размѣровъ; этотъ импань расположенъ верстахъ въ двухъ отъ города по направленію на востокъ. Непонятно почему китайцы остановились на такой группировкѣ своихъ укрѣпленій (фортовъ), выдвинувъ впередъ самый маленькій и слабый изъ нихъ, а самый сильный отодвинувъ далеко въ тылъ своего фронта. Быть можетъ тутъ принять во вниманіе тотъ же принципъ, который руководилъ тактикою римлянъ: трехлинейный строй, въ которомъ третья ты-

ловая линия состояла изъ самыхъ сильныхъ и закаленныхъ въ бояхъ солдатъ (тріаріи).

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ гарнизонѣ Чугучака по спискамъ мирнаго времени числится около 3.000 солдатъ, которые и помѣщаются въ фанзахъ (домахъ), построенныхъ на внутреннихъ площадкахъ импаней. Комендантъ крѣпости живетъ въ большой, обнесенной каменнымъ заборомъ, фанзѣ, построенной внутри средняго импаня.

Если вы войдете въ одинъ изъ импаней (хотя бы въ средній, потому что онъ въ самомъ городѣ), то будете пріятно поражены той сравнительной чистотой, которая тамъ поддерживается; вы увидите правильно распланированныя дороги, подметенныя и обсаженныя деревцами; увидите казармы съ темными черепичными крышами, но вмѣстѣ съ тѣмъ васъ поразитъ тотъ особенный специфическій запахъ, который присущъ всякому китайскому жилью. Вамъ встрѣтятся немало людей, одѣтыхъ въ синія одежды и смотрящихъ на васъ съ нѣкоторымъ какъ бы презрѣніемъ и съ сознаниемъ собственного передъ вами превосходства. Это солдаты—та самая сила, которая въ случаѣ политическихъ осложненій станетъ на стѣны импаня и будетъ стрѣлять и кидать въ насъ заготовленными, на этотъ случай, булыжниками. Между солдатами немало почтенныхъ старцевъ, а есть и юноши, у которыхъ еще, какъ говорится, «молоко на губахъ не обсохло». Очень много худыхъ, желтыхъ и испитыхъ лицъ и въ общемъ на все это воинство грустно смотрѣть, потому что сознание подсказываетъ, что эти люди, хотя и смотрятъ на васъ съ сознаниемъ собственного превосходства, мѣряя васъ порою даже насмѣшливыми взглядами, но что они далеко еще не на высотѣ своего положенія и что эта надменность разсѣется у нихъ въ случаѣ столкновенія съ нами такъ же быстро, какъ клубъ пара, вылетающій съ шумомъ изъ трубы паровоза. Теперь каждый изъ этихъ солдатъ съ гордостью указываетъ на эти трехсаженныя стѣны, видя въ нихъ главный оплотъ и защиту отъ вторгнувшагося врага. И можно съ увѣренностью сказать, что до тѣхъ поръ, пока они не перестанутъ гордиться этими стѣнами, справиться и одолѣть ихъ будетъ очень нетрудно, но когда они, сознавъ всю призрачность ихъ надеждъ, поймутъ, наконецъ, что одна стѣна, какъ бы высока и толста она ни была, не остановитъ сильнаго духомъ человѣка, а что для этого необходимо противопоставить такой же сильный человѣческій духъ, тогда они станутъ настоящими воинами, на которыхъ придется уже смотрѣть не съ грустью, а съ уваженіемъ.

Вооружены эти солдаты короткими пистонными, заряжающимися съ дула, ружьями, калибръ которыхъ 6—7 линій. Говорили, что для военнаго времени въ складахъ на весь гарнизонъ хранятся винтовки Маузера, но что въ мирное время ихъ не выдаютъ солдатамъ на руки, изъ боязни напрасной порчи оружія. Въ складѣ же, по свѣдѣніямъ, хранятся и пулеметы (кажется всего три), изъ коихъ одинъ въ настоящее время пришелъ въ негодность.

Китайскіе власти и чиновники, какъ кажется, очень слабо проникнуты чувствомъ долга и преданности отечеству. Говорили даже, что во время осложненій 1900 года китайскія власти были немало встревожены дошедшими до нихъ слухами о прибытіи нашихъ подкрѣпленій въ Зайсанъ. Прибыль всего только одинъ стрѣлковый баталіонъ, но людская молва увеличила численный составъ этого баталіона ровно въ 40 разъ, и китайскія власти были убѣждены, что въ Зайсанъ прибыль цѣлый 40.000 корпусъ. Вотъ ужъ по истинѣ: «у страха глаза велики». Будучи перепуганы такимъ воображаемымъ нашествіемъ, власти неоднократно высказывали ту мысль, что если изъ Зайсана русскіе пойдутъ въ Чугучакъ, то они непременно сдадутъ городъ и исполнять все, что потребуютъ русскіе, во избѣжаніе кровопролитія. Солидарны ли солдаты со взглядами своихъ начальниковъ—не знаю, но полагаю, что послѣдніе всегда будутъ въ состояніи достигнуть этой солидарности, тѣмъ болѣе, что таковая, вѣроятно, не будетъ идти въ разрѣзъ съ желаніемъ этихъ солдатъ въ то время, когда надъ ихъ головами начнутъ свистать русскія пули.

Словомъ, въ настоящее время Чугучакъ, какъ крѣпость, представляетъ собою не нѣчто, а ничто. Что скажетъ будущее про это, конечно, трудно сказать что нибудь положительное, но все же съ большой дозой вѣроятности слѣдуетъ допустить, что настанетъ время, когда прекратится его ничтожество и когда его пресловутые и отжившіе свой долгій вѣкъ ямпани будутъ смѣнены земляными брустверами, построенными по правиламъ современной науки. Соотвѣтственно этому измѣнится и духъ защитниковъ, которые съ пренебреженіемъ сбросятъ съ этихъ валовъ кучи булыжниковъ, какъ ни къ чему не нужную дрянь.

Самъ по себѣ городъ не представляетъ ничего особеннаго: узкія грязныя улицы, лавчонки съ дряннымъ товаромъ, засѣдающіе въ нихъ флегматическіе китайскіе «куpezы» (купцы); каждый изъ нихъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства и съ перваго же раза старается внушить покупателю, что онъ не «маль-

мало купеза, а шибко большой купеза есть» (не какой нибудь мелкій торгашъ, а настоящій богатый купецъ). Несмотря на весьма сомнительныя качества товаровъ, цѣны на нихъ весьма внушительны, хотя, по правдѣ говоря, во всѣхъ этихъ лавкахъ разставлена такая дрянь, на которую и смотрѣть не хочется: китайскія трубки, кальяны, глиняные бурханчики, разныя бездѣлушки—алюповатыя и неизящныя, вѣера, шелковыя ткани — чрезвычайно грубыя и окрашенныя въ невозможно яркіе цвѣта; порнографическія картинки и альбомы красуются тутъ же на глазахъ публики для приманки и много прочей, тому подобной, дряни. Купцы жалуются на застой въ торговлѣ и на то, что подвоза почти нѣтъ, благодаря бывшимъ осложненіямъ. Многіе не запасаются товаромъ изъ боязни, какъ бы не было какого нибудь погрома.

Интересно побывать въ кумирняхъ. Ихъ двѣ: одна военная, устроена на стѣнѣ средняго импаня, другая частная, въ городѣ. При входѣ въ военную кумирню, у воротъ, въ особой полутемной конурѣ стоитъ большая, сдѣланная изъ гипса и окрашенная въ бурый цвѣтъ, лошадь. Скульпторъ, лѣпившій это изваяніе, видимо, талантомъ не обладалъ, ибо вмѣсто лошади у него получилось нѣчто невозможное, похожее скорѣе на ту деревянную «кобылу», черезъ которую въ корпусахъ кадеты прыгаютъ во время гимнастики. При всемъ желаніи узнать—зачѣмъ при входѣ въ храмъ поставлена эта неуклюжая кобыла, сопровождавшій бонза не далъ никакого объясненія. Быть можетъ онъ и самъ не зналъ этого, а быть можетъ и не хотѣлъ объяснять. Онъ замкнулъ уста свои и сложилъ ихъ ниточкой.

Въ кумирнѣ полумракъ. Прямо передъ входомъ, на возвышеніи, за шелковыми занавѣсками—большая, гипсовая, золоченая фигура сидящаго человѣка со спокойнымъ и безстрастнымъ лицомъ; надо полагать, это изображеніе Будды. На вопросы по этому поводу, бонза, не размыкая по прежнему своихъ устъ, придалъ имъ только подобіе перевернутой ижицы. По бокамъ этой статуи стоятъ изображенія какихъ-то ужасныхъ людей; такими рисуютъ обыкновенно чертей наши суздальскіе богомазы. Есть тутъ и стѣнная живопись. Въ картинахъ полное отсутствіе перспективы, но выраженіе лицъ у фигуръ, а равно и позы, жизненны. Художникъ умѣлъ дать движеніе фигурамъ и онѣ у него не стоятъ, какъ безжизненные манекены.

По наружному виду обѣ кумирни не представляютъ ничего особеннаго и, если что и бросается въ глаза, такъ рѣзныя, камен-

ныя украшенія на крышахъ; работа оригинальная, художественная и въ высшей степени стильная.

Есть въ городѣ и русскій кварталъ, съ русскими домами, лавками и конторами. Обыватели этого квартала въ національныхъ костюмахъ играютъ на улицѣ въ городки, поютъ національныя пѣсни и пиликаютъ на гармоникахъ, не забывая помянуть при этомъ и «камаринскаго мужика», при воспоминаніи о которомъ приходятъ по обыкновенію въ восторгъ, выражая таковой соотвѣствующими посвистами, взвизгиваніями и «откаблучиваніемъ». Словомъ, такъ или иначе насаждаютъ русскую культуру въ китайской странѣ. Съ туземцами живутъ въ ладахъ. Да и съ кѣмъ, спрашивается, русскій человѣкъ не въ состояніи поладить? Еще ни въ одну страну онъ не вносилъ ни смуты, ни распри, и до тѣхъ поръ не будетъ вносить этого, пока добровольно не отречется отъ дарованныхъ ему самимъ Богомъ добродѣтелей, которыя рѣзко отличаютъ его отъ прочихъ національностей. Остается пожелать, чтобы до конца жизни русскаго народа жили бы вмѣстѣ съ нимъ и его добродѣтели.

Л. Тьльковичъ.

